
18+
КОМНАТЫ, КОТОРЫЕ МЫ СЧИТАЕМ СВОИМИ
ИГОРЬ БУЛАТ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ РОМАН

Игорь Булат

Комнаты, которые мы считаем своими

«Издательские решения»

Булат И.

Комнаты, которые мы считаем своими / И. Булат — «Издательские решения»,

В страховом деле погибшей женщины Мара Эллисон находит фотографию собственной гостиной. Зелёное кресло. Три белых стежка. Ошибки быть не может. Мара никогда не встречала Рут Белл. Но незнакомка жила в её доме, а человек, который впустил её, до сих пор не рассказал всей правды. Поиски объяснения приводят к поддельным документам и собственной подписи Мары. Чтобы узнать правду о чужой смерти, ей придётся раскрыть то, что она сама предпочла скрыть.

© Булат И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 18
Глава 5 23
Глава 6 28
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Комнаты, которые мы считаем своими

Игорь Булат

© Игорь Булат, 2026

ISBN 978-5-0071-5271-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

В страховом деле погибшей женщины лежала фотография моей гостиной.

Первым я узнала кресло. Зелёный бархат, один подлокотник выгорел у окна почти до желтизны. Мама зашила разошедшийся шов белыми нитками: покупать целую катушку зелёных ради такой мелочи она отказалась. Три стежка. Если увеличить снимок, их можно разглядеть.

Я увеличила.

За окном строительного вагончика кто-то бросил в контейнер кусок плинтуса. От треска я вскинула голову. Мужчина в оранжевых перчатках выносил из восемнадцатого дома новую охапку досок. Гнилое дерево он держал подальше от себя, словно оно могло за него ухватиться.

Под фотографией был указан адрес: Мирфорд, Милл-лейн, 18.

Я жила на Харроу-стрит, в доме номер сорок два. В четырёх милях отсюда, на холме, куда река никогда не добиралась.

Я вернулась на предыдущую страницу. Стиральная машина на боку. Коричневая полоса на кухонной стене. Кастрюля с чем-то, что прежде было мукой. Всё из восемнадцатого дома; двадцать минут назад я сама прошла через эту кухню.

А дальше — моё кресло. Моя латунная лампа для чтения. Маленький подпал на подоконнике: Финн положил туда горячий паяльник и пообещал всё отшлифовать.

Над снимком стояло: «ДО СТРАХОВОГО СЛУЧАЯ».

— Мара?

В дверях стояла Нина Уорд с двумя бумажными стаканчиками. Она подтолкнула дверь пяткой.

— С молоком, без сахара. Если только за эту неделю ты не передумала.

Я чуть повернула ноутбук к себе. Сделала это машинально, и потом мне будет неприятно об этом вспоминать.

— Спасибо.

Она поставила кофе рядом со стопкой отсыревших накладных. В свои двадцать четыре Нина успевала вызвать бригаду на просушку, найти потерянную связку ключей и уговорить трёх разъярённых домовладельцев пользоваться одним биотуалетом, пока я ещё пыталась понять, какие сапоги у меня сухие. Хелен говорила, что дочь унаследовала от неё всё полезное.

— У тебя Белл? — спросила Нина.

— Проверяю документы по имуществу.

— Мама хотела, чтобы ты посмотрела их до разборки. Без твоего разрешения ничего не трогаем.

Я подняла на неё глаза.

— Кто собирал документы?

— Не я. А что?

— Там чужая фотография.

Нина наклонилась к экрану. Я закрыла снимок, прежде чем она успела его рассмотреть.

— Отправлю запрос, — сказала я.

Она помедлила и кивнула.

— Хорошо. Гостиную пока оставим.

Она вышла с кофе. Я смотрела, как она пересекает двор и подходит к мужчине в оранжевых перчатках. Он выслушал её, положил доски и вернулся в дом с пустыми руками.

Компания Ward Recovery восстанавливала дома после пожаров, протечек и наводнений. Я выясняла, какое имущество в них находилось и что можно спасти. Решать, должна ли стра-

ховая платить, было не моей работой. Расследовать чью-то смерть — тоже. Я напоминала об этом всякий раз, когда меня спрашивали о том, на что я не могла ответить.

Рут Белл погибла во время наводнения восемь ночей назад. Её тело нашли в подвале восемнадцатого дома. Полиция закончила первоначальный осмотр; причину и обстоятельства смерти ещё выясняли. Нам разрешили приступить к восстановлению, велев сообщать обо всём необычном и сохранять всё, что отдельно потребуют следователи.

Ещё десять минут назад я думала, что необычное — это запертая шкатулка с деньгами или пакет с драгоценностями.

Я снова открыла фотографию.

Людей на ней не было. Тот, кто снимал, стоял сразу за порогом моей гостиной, держа камеру низко. Я узнала ракурс: на этом месте Финн обычно останавливался, решая, закончилась ли наша ссора.

На столике возле кресла стоял стакан воды и лежал блистер с таблетками.

Я не принимала никаких лекарств постоянно.

Финн иногда пил обезболивающее, если весь день проводил под раковиной. Он мог сделать этот снимок несколько месяцев назад.

Но я не помнила этого стакана на этом столике. Подставки мы держали возле дивана. Тот, кто поставил стакан, подставкой не воспользовался.

Шесть недель назад Финн оставил мне ключ от дома на кухонном столе. Точнее, один ключ. Дом принадлежал нам обоим. Замки я не меняла. Я старалась расстаться цивилизованно — слово, которое, похоже, обязывало больше всего стараться того, от кого ушли.

Я сохранила файл с документами, ничего в нём не меняя. Курсор замер над полем «НАПРАВИТЬ НА ПРОВЕРКУ».

За одиннадцать лет я поставила там галочку дважды. Оба раза кто-нибудь переставал со мной разговаривать.

Телефон зазвонил прежде, чем я успела к нему потянуться.

Хелен.

— Скажи, что тебе нашли сухой стул.

Я посмотрела на заляпанное офисное кресло под собой.

— Почти.

— Нина говорит, что в документах Белл какая-то проблема.

Через окно я видела, как Нина разговаривает с прорабом. В руке у неё был телефон. Ничего странного в том, что она сообщила матери, не было. Компания принадлежала Хелен.

— Одна из фотографий до наводнения сделана по другому адресу.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

— Такие подборки собирают из полудюжины источников. Зафиксируй, сообщи эксперту по убыткам и приостанови работы в комнате. Я выясню, откуда она взялась.

Хелен говорила устало. Не уклончиво. С тех пор как поднялась вода, она ночевала в офисе, отвечая на звонки людей, которые хотели знать, когда смогут вернуться домой. Когда умерла мама, Хелен на месяц взяла на себя мою работу и позаботилась, чтобы я по-прежнему получала деньги. Сейчас в трубке легко было услышать именно ту женщину.

— Чья это фотография? — спросила она.

Я крепче сжала телефон.

Девять месяцев назад я подписала два акта осмотра объектов, на которых не была. Хелен сказала, что фотографий достаточно, людям нужны выплаты, а съездить мы успеем позже. Мы так и не съездили. Моя подпись осталась.

Девять месяцев я надеялась, что эти бумаги останутся там, где я их оставила.

— Прежде чем ответить, мне нужно кое-что проверить.

Короткая пауза.

— Тогда проверь, — сказала Хелен. — Только не усложняй жизнь семье, которая потеряла близкого, из-за того, что кто-то сунул страницу не в ту папку.

Она отключилась.

Несколько секунд я сидела с умолкшим телефоном в руке. Потом отправила сообщение о несоответствии независимому эксперту по убыткам, чей адрес стоял в копии нашего заказ-наряда. Я указала адрес своего дома. Написала, что не передавала эту фотографию и больше не могу работать с делом как незаинтересованный подрядчик. Попросила сохранить исходные материалы и историю их загрузки.

Перед отправкой я перечитала сообщение один раз. Потом поставила галочку.

Через одиннадцать минут пришёл ответ: приостановить вывоз имущества, ничего из относящихся к делу вещей больше не трогать, ждать звонка.

Я вышла на улицу.

На Милл-лейн пахло мокрой штукатуркой, соляркой и содержимым чужих стоков. В трёх окнах наверху висели шторы. Под ними стояли открытые входные двери. У машины на боку лежала детская пластиковая горка; ступеньки жёлтой лесенки забило илом.

На дверном косяке восемнадцатого дома след от воды доходил мне до рёбер.

Я осталась на тротуаре и набрала Финна.

Он ответил после пятого гудка. За его голосом пищал сигнал заднего хода фургона.

— Всё в порядке?

— Ты кому-нибудь давал фотографии дома?

— Что?

— Нашего дома. Гостиной.

— Для чего?

— Я тебя об этом и спрашиваю.

Писк прекратился. Было слышно, как Финн отходит туда, где потише.

— Мара, что случилось?

Я смотрела, как из-под соседской двери выползает тонкая струйка грязной воды.

— В документах по имуществу женщины, погибшей при наводнении, есть фотография нашей гостиной.

Он молчал.

— Её звали Рут Белл.

Снова тишина.

С тех пор как он ушёл, я не раз прокручивала в голове этот разговор. Появится другая женщина. Он сначала всё отвергнет, а потом заставит меня почувствовать себя дурой за то, что мне нужно услышать остальное. Я не представляла, что к тому времени она уже будет мертва.

— Ты её знаешь? — спросила я.

— Ты где?

— Ответь.

— На Милл-лейн?

Я обернулась к вагончику. У окна стояла Нина. Не разобрать, смотрела ли она на меня или на дома за моей спиной.

— Да.

— Я приеду.

— Кто сделал фотографию, Финн?

Его дыхание прошуршало в микрофоне.

— Я.

Внутри меня что-то замерло.

— Когда?

— На той неделе, когда ты была в Лидсе.

Я уехала двенадцать дней назад. Уже после того, как он съехал. Три ночи жила в гостинице и рассказывала коллеге, как хорошо у нас получается расстаться.

— Она была в моём доме?

— Да.

Я закрыла глаза.

— Мара, послушай. Ей нужно было где-то пожить.

— Тогда почему ты меня не спросил?

Он молчал так долго, что я посмотрела на экран: не оборвалась ли связь.

— Потому что она тебя боялась.

Глава 2

Финн приехал на фургоне, который мы купили вместе и за страховку которого я до сих пор платила половину. Припарковался за ограждением и пошёл ко мне без куртки. На большом пальце у него белел чистый прямоугольник: недавно снял пластырь.

Я заметила это раньше, чем то, насколько он напуган.

— Не здесь, — сказал он.

— Здесь вполне подойдёт.

Он посмотрел на открытые дома и рабочих между ними.

— Мне нужно кое-что тебе показать.

— Показывай здесь.

Он достал телефон. На мгновение его палец замер над экраном, и я подумала, что он сейчас удалит что-нибудь прямо у меня на глазах. Но он открыл фотографию и протянул телефон мне.

Моя гостиная. То же зелёное кресло, тот же стакан. Справа в кадр попало больше, чем на снимке из документов. У края кадра на диване сидела женщина, поджав под себя ногу в носке. На висках у неё серебрилась седина. На ней был мой синий кардиган.

В местной газете писали, что Рут Белл пятьдесят три. На фотографии она выглядела старше. Хотя, может быть, дело было в позе: приподнятые плечи, слишком аккуратно сложенные на коленях руки.

— Ей было холодно, — сказал Финн.

О кардигане я не спрашивала.

Я посмотрела на дату на экране. Она приходилась на мою поездку в Лидс. Это совпадало с тем, что он сказал. Остальную его историю правдой не делало.

— Сколько?

— Две ночи.

— В нашей постели?

— В гостевой комнате.

— Это тебя не оправдывает.

— Знаю.

Он протянул руку за телефоном. Сначала я заставила его переслать мне исходный снимок, не скриншот. Потом вернула телефон.

— Зачем было фотографировать?

— Она попросила снять комнату. Сказала, что хочет запомнить место, где чувствовала себя в безопасности.

— Вместе с ней?

— Она пересела, прежде чем я снял. Я отправил ей весь кадр. Наверное, она обрезала.

Он старался отвечать только на заданный вопрос. Эту привычку я помнила по разговорам о деньгах. Если я спрашивала, оплатил ли он счёт, он отвечал «да». А позже выяснялось, что для этого он воспользовался другой кредиткой.

— Ты знал, что она погибла?

— Да.

— Ты сказал полиции, что она жила у нас?

— В прошлый вторник. Я дал показания.

— А мне не сказал.

— Я думал, они тебе сообщат.

— Это не ответ.

Он потёр большим пальцем край телефона.

— Я не знал, как рассказать тебе об этом и не рассказать обо всём остальном.

В конце улицы проехал грузовик. Мы оба подождали, пока он скроется. Маленькая, до боли знакомая уступка друг другу.

— Начни с того, почему она меня боялась.

Финн опустил глаза на тротуар.

— Она занималась сверкой для Хелен. Проверяла счета по объектам. Подрабатывала, в основном из дома.

— Я никогда её не видела.

— Она знала твоё имя.

— Оно есть в сотнях дел.

— Но не в таких.

Он открыл другой снимок. На нём был лист бумаги, сложенный пополам, с заметной складкой посередине. Бланк я узнала раньше, чем смогла прочесть адрес.

«АКТ ВЫЕЗДНОГО ОСМОТРА ИМУЩЕСТВА»

Ниже — моя подпись.

— Откуда у тебя это?

— От Рут.

Я снова взяла телефон.

Я помнила ту семью. Прорвало трубу, пока они уехали навестить бабушку в больнице. Фотографии испорченного пола, обрушившегося потолка в кухне. Хелен стояла возле моего стола с этим бланком и сэндвичем, который купила для меня. Я работала тринадцатый день без выходных. Мне хотелось домой.

И я расписалась в том, что побывала там.

— Ты туда не ездила, — сказал Финн.

— Тебе-то откуда знать?

Он вздрогнул. Мне стало легче, и я возненавидела себя за это облегчение.

Потом я как следует посмотрела на фотографию.

Подпись была моей. Адрес — не тот, который я помнила.

Я раздвинула пальцы на экране. В строке «Итого» стояло 31 860 фунтов. А сумма по тому объекту, который я помнила, была меньше пяти тысяч. Я знала это точно: Хелен тогда сказала, что дело пустяковое и не стоит задерживать выплату.

— Это не тот документ, который я подписала.

Финн следил за моим лицом.

— Но что-то ты подписала.

Я могла сказать «нет». Он провёл две ночи с незнакомкой в моём доме, а потом позволил мне пить из того же стакана, ничего не зная. Он больше не имел права ждать от меня честности.

Но женщина в моём кардигане оказалась в затопленном подвале.

— Да, — сказала я. — Что-то подписала.

Он сел на низкую ограду рядом с нами. Чистого места не было. Он всё равно сел.

— Она думала, что ты в этом участвуешь.

— В чём?

— Я знаю не всё.

— Тогда расскажи то, что знаешь.

Он посмотрел на восемнадцатый дом.

— Списывали вещи, которые не были испорчены. Выставляли счета за работы, которых никто не делал. Меняли документы после того, как люди ставили подписи. Она сама успела провести часть этих бумаг, прежде чем поняла масштаб.

— И ты привёл её ко мне домой.

— К нам домой.

Я смотрела на него, пока он не отвёл глаза.

— Она думала, что это мой адрес, — сказал он. — Я сказал, что мы расстались. Твоего имени не называл.

— Она узнала?

— На второе утро. Увидела на столике в прихожей конверт от твоего юриста.

— И что?

— Ушла.

Я снова посмотрела на фотографию акта. Всего сразу было не удержать: Рут в моей гостиной, Финн, открывающий ей нашу дверь, моё имя под суммой, которую я никогда не утверждала. Стоило сосредоточиться на одном предательстве, как о себе напоминало другое.

— Пришли мне это, — сказала я.

Он прислал.

Я позвонила эксперту по убыткам. Когда она ответила, я сказала, что выяснила происхождение фотографии, что лично связана с её источником и что в других делах тоже могут быть поддельные акты осмотра. Попросила контакт человека, который занимается смертью Рут, чтобы передать материалы официально.

Пока я говорила, Финн встал. Он выглядел так, словно почувствовал облегчение. Захотелось рассказать и то, о чём я умолчала, просто чтобы стереть это выражение с его лица.

Закончив разговор, я открыла архив своей отправленной почты. Девять месяцев назад. Февральский вечер. Я помнила, что сэндвич был с яйцом и майонезом: я съела его в машине, а Финн потом жаловался на запах.

Вот письмо. Два подписанных акта во вложении. Я открыла первый.

Первоначальный адрес. Первоначальная сумма. Моя подпись под осмотром, которого не было.

Кто-то изменил адрес и сумму.

А ложь, которую я заверила подписью, подделывать не понадобилось.

— Что ты будешь делать? — спросил Финн.

Я сохранила письмо целиком, вместе с вложениями. Потом открыла новое сообщение эксперту.

«Прилагаю исходные версии», — набрала я.

Прочла. В этих словах не было ничего ложного.

Я удалила черновик.

— Мара? — сказал Финн.

— Мне нужно внимательно их прочесть.

Он посмотрел на мой телефон, потом отвёл глаза. Впервые с его приезда я была благодарна ему за то, что он понимает, когда я вру.

— Тебе лучше уехать, — сказала я.

Он немного помедлил и пошёл к фургону.

Я проводила его взглядом. Потом позвонила Джун, нашей соседке. Тридцать лет она работала в ночную смену и до сих пор плохо спала. Если кто и заметил бы незнакомку у нас дома, так это она.

— Ты видела кого-нибудь у нас, пока я была в Лидсе?

— Подругу Финна?

От того, как легко она это произнесла, стало больно. Джун знала. А я узнала в четырёх милях от дома, сидя в помещении, где пахло чужими разрушенными жизнями.

— Женщину. С седыми волосами.

— Её. Что-то случилось?

— Я пытаюсь понять, когда она ушла.

— В воскресенье, кажется. С Финном. У неё была сумка для покупок, из неё торчал красный зонт.

Я вспомнила зонт на пороге. В тот понедельник, вернувшись с работы, убрала его в шкаф, раздражённая тем, что Финн всё ещё оставляет свои вещи.

— Понятно, — сказала я. — Спасибо.

— Но в понедельник она вернулась.

Финн садился в фургон. Я смотрела, как он закрывает дверь.

— Одна?

— Да. Я как раз выкатывала мусорные баки. Она позвонила к вам, а потом спросила, не знаю ли я, когда ты вернёшься. Я сказала, что ты допоздна на работе.

— Она объяснила, что ей нужно?

— Только сказала, что ей необходимо с тобой поговорить. — Джун замялась. — Вообще-то мне это показалось странным. Она попросила не говорить Финну, что приходила.

На другой стороне улицы он поднял руку за лобовым стеклом. Я не ответила.

— Мара? Ты знаешь, кто она?

— Нет, — сказала я.

Он отъехал.

Рут узнала, чей это дом. Ушла. Потом вернулась, когда ещё могла мне что-то рассказать.

Что бы ни пугало её в моём имени, ещё страшнее ей было, что Финн узнает о её приходе.

Глава 3

Дома я остановилась, не вставив ключ в замок.

Смотреть было не на что. Молочная бутылка на соседней ступеньке принадлежала Джун. В щётке под моей дверью застрял бурый лист. Чуть выше виднелись царапины на краске: когда-то я втаскивала в дом шкаф, не дождавшись Финна.

Я отперла дверь и отступила, будто кому-то нужно было пройти.

В доме пахло бельём, которое я оставила сушиться наверху. Из прихожей был виден подлокотник зелёного кресла. На сиденье лежала раскрытая книга обложкой вверх — ровно там, где я оставила её утром. Я почувствовала облегчение. Потом мне стало за него неловко.

Я подошла к шкафу под лестницей.

Красный зонт застрял за пылесосом. Когда я его вытащила, следом выскользнула сумка для покупок и упала к ногам. Одна из моих. Внутри были только чек и мятная конфета без обёртки.

Деревянная ручка зонта потемнела на сгибе. Узкая красная лента болталась на сломанной кнопке. Я вспомнила, как пыталась её застегнуть, потом бросила и затолкала зонт в шкаф.

В понедельник вечером. Не в воскресенье, когда вернулась из Лидса. Я поздно приехала с объекта, нашла зонт у двери и разозлилась на Финна: снова заставлял меня разбираться с его вещами.

Я положила зонт поперёк кухонного стола. Раскрывать не стала. Несколько секунд мне хотелось, чтобы внутри что-нибудь оказалось: письмо, имя, объяснение. Потом я представила, как Рут под дождём держит сумку и пытается нажать на кнопку моего звонка. Зонт мог быть просто зонтом.

Зазвонил телефон.

— Мара Эллисон? Лия Грант. Мы сегодня говорили о деле Белл.

Я отодвинула стул.

— Мы назначили другого специалиста по описи, — сказала она. — Пожалуйста, больше не работайте с этим адресом. Ещё мне нужен полный пакет документов, который вы получили утром. Без изменений. Вам придёт защищённая ссылка.

— Я его сохранила.

— Хорошо. И оригинал фотографии вместе с сообщением, в котором вам его прислали. Сообщение тоже сохраните.

Она не спросила, вместе ли мы с Финном. Я приготовилась к этому вопросу и теперь не знала, куда деть ответ.

— Другие документы, о которых вы упоминали, — продолжила она. — Они хранятся в компании или у вас лично?

— Копии в моей переписке.

— Ничего в них не меняйте. Нам нужно будет установить происхождение каждой версии.

Я посмотрела в открытую дверь гостиной.

— Прежде чем давать показания об этих документах, мне нужно кое о чём посоветоваться с юристом.

— Хорошо. Пока сохраните их в исходном виде. Как вы просили, я передала ваши контакты сотруднице, которая занимается смертью Рут.

Она помолчала, проверяя что-то.

— Сын Рут тоже просит связать его с человеком, который проверял имущество. Когда присылал фотографии, он задал о них вопрос. Вы согласны, чтобы я дала ему ваш номер? Оценивать его имущество вы больше не будете, но сможете объяснить, что именно получили.

— Какой вопрос?

— Я запросила исходное обращение. Не хочу пересказывать, пока сама не прочту.

Я разрешила дать ему мой номер.

После звонка отправила полученный пакет и снимок Финна по ссылке. Потом позвонила в фирму, которая занималась маминым наследством, и спросила, могут ли они посоветовать специалиста по делу, связанному с полицией и рабочими документами.

Секретарь попросила подождать.

Я думала, придётся объяснять подробнее. Пока играла музыка, смотрела на зонт и пыталась решить, с какой фразы начну разговор с юристом. «Кто-то использовал мою подпись» — правда. «Я подписала то, чего не должна была подписывать» — тоже правда. Мне хотелось начать с первой фразы, а ко второй перейти как-нибудь естественно, словно к мелкому осложнению, которое обнаружил кто-то другой.

Когда секретарь вернулась, я попросила записать меня к рекомендованному специалисту. На следующее утро нашлось время для короткой телефонной консультации. Я согласилась.

На столе осталась полоска от зонта. Я коснулась её пальцем. Пыль, не вода. За восемь дней в шкафу он высох.

Я переложила его на чистый лист бумаги и больше не трогала.

Синий кардиган лежал в спальне, сложенный на стуле для одежды. После Лидса я его стирала. Знала точно: манжеты стали жёсткими. Для шерсти я всегда наливала слишком много средства.

Я подняла кардиган за плечи. Одна пуговица болталась. Несколько месяцев собиралась её пришить.

На фотографии Рут запахнула кардиган на животе. Он был ей велик. Она не походила на женщину, которая примеряет чужую жизнь. Ей было холодно.

Я положила его обратно.

Мне хотелось найти её след и разозлиться. Вместо этого я нашла собственную выстиранную одежду.

Внизу снова зазвонил телефон. Незнакомый номер. Женщина представилась детективом-констеблем Шах, назвала номер дела и объяснила, как проверить звонок через коммутатор полиции. Я записала и то и другое. Договорились, что после проверки она перезвонит.

Ожидание заняло двенадцать минут. Я открывала холодильник, закрывала и пыталась вспомнить, ела ли сегодня хоть что-нибудь.

Когда Шах позвонила снова, она спросила, что произошло утром.

Я рассказала о фотографии и документах. О том, что Финн прислал полный снимок. Назвала Джун и пересказала её слова, отдельно уточнив, что сама Рут не видела.

— И вы полагаете, что какие-то документы могли быть изменены?

— Да. Я сохранила версии, которые у меня есть. Там возникают вопросы и к моей работе. Я записалась к юристу.

— Мы можем согласовать опрос с участием вашего юриста. Сейчас нужно, чтобы вы сохранили всё имеющееся и сообщили, если есть что-то, требующее нашего немедленного внимания.

— Зонт. Мне кажется, она оставила его у моего дома.

— Почему вы так думаете?

Я объяснила. Вопросы были неторопливыми и обычными. Какого цвета? Где я его нашла? Перекладывала ли? Кто-нибудь с тех пор пользовался им?

Никто — насколько мне известно. Услышав эти последние слова, я поняла, как редко произношу их на работе.

— А мистер…

— Финн Мерсер. Мы расстались. Дом по-прежнему в совместной собственности.

Давно я не произносила вслух его фамилию. Она никогда не была моей. Когда-то я думала, что со временем станет.

— Он мог попасть в дом, пока вас не было?

— Да.

— А в понедельник?

— У него был ключ. Не знаю, заходил ли он.

Она спросила, когда я вернулась в тот вечер. Я проверила телефон, чтобы не гадать. В 18:21 отправила сообщение клиенту — из кухни, когда нашла нужный размер в старом файле.

— Не позднее 18:21. Это я могу сказать точно.

— Вы были одна?

— Да.

— Помните какие-нибудь визиты или звонки?

Я пролистала журнал.

Нина. 18:34. Сорок семь секунд.

Я вспомнила, как стояла у раковины и оттирала чёрную полосу на запястье. По радио передавали предупреждение о подъёме воды. Нина спросила, дома ли я, и велела оставаться там. Она была в пункте временного размещения с Хелен. Они выясняли, кто ещё работает, а кто успел выбраться с нижних улиц.

Тогда это показалось заботой. Нина не забыла проверить, как я, хотя у других людей неприятности были куда серьёзнее.

— Звонила Нина Уорд. Она была в пункте размещения.

Шах спросила, видела ли я её там.

— Нет. Она сама сказала.

— Какие её слова вы помните?

— Что она там с матерью. И чтобы я больше никуда не выходила.

Я пыталась восстановить остальной разговор. Она сказала «у нас всё в порядке» или «все в порядке»? Тогда я решила, что речь о сотрудниках. Теперь фраза ускользала.

— Точнее я не вспомню.

— Хорошо.

Она не сказала, имеет ли это значение.

В конце разговора попросила не разыскивать ничего в доме Рут и не опрашивать людей от её имени. Я ответила, что возвращаться в тот дом не собираюсь.

Это была правда. Мне очень хотелось остаться в своём.

Я сделала тосты. Первый подгорел, пока я стояла рядом и читала подтверждение записи к юристу. Я соскребла обуглившуюся корочку над раковиной. Мама говорила, что подгоревшее полезно. Говорила так уверенно, что я верила почти до взрослого возраста.

Второй тост съела стоя.

В 14:17 на экране снова появился незнакомый номер.

— Мара?

Голос был моложе, чем я ожидала, хотя о возрасте сына Рут я до этого не думала.

— Оливер Белл. Женщина из страховой сказала, что можно позвонить.

— Да. Мне очень жаль вашу маму.

— Спасибо.

После этого он помолчал достаточно долго, чтобы я поняла: эту фразу он слышал уже много раз.

— Я так понимаю, вы задавали вопрос о фотографиях, — сказала я.

— Об одной. Комната с зелёным креслом.

— Я её видела.

— А что я написал к ней — видели?

— К ней ничего не было написано. Только заголовок.

— «До страхового случая»?

— Да.

Он выдохнул. Не удивлённо. Хуже: так выдыхают, когда подтверждаются опасения.

— Я отправлял не это.

Я села.

— А что вы отправили, Оливер?

— Я написал, что это не её дом. В первой же строке, чтобы точно заметили.

За дверным проёмом солнечное пятно медленно двигалось по зелёному бархату. Восемь дней я жила в этой комнате, не зная, что здесь была Рут.

— Я могу показать письмо, — сказал он. — Но мне ещё нужно показать вам список.

— Какой список?

— Вещей, которые якобы были у неё.

Я ждала.

— Некоторые ей никогда не принадлежали.

Глава 4

Оливер выбрал кафе в верхней части Хай-стрит. Окна выходили в сторону реки, но с нашего столика были видны только автобусная остановка и машины, выстроившиеся перед временным светофором.

Он уже сидел там. Под тридцать, наверное. На спинке стула висела тёмная куртка, под ладонью на столе лежала папка. Плечи он держал так же высоко, как женщина на фотографии Финна.

По этой позе я узнала его раньше, чем он поднял руку.

— Мара?

— Да.

Он встал и замялся, не зная, что делать дальше. Мы пожали друг другу руки. У него они были холодными.

— Я больше не оцениваю ущерб по делу вашей мамы, — сказала я, садясь. — Назначили другого человека. Я могу рассказать, что было в полученных мной документах, но обещать что-либо насчёт выплаты не могу.

— Я не прошу у вас денег.

— Я понимаю. Просто хотела уточнить.

— Это обычно и так понятно.

Он посмотрел на папку. Я заслужила этот ответ. Первым делом обозначила границу своей полезности.

Подошла официантка. Я заказала чай; Оливер ничего не захотел. Перед ним уже стоял кофе с нетронутой светлой плёнкой на поверхности.

— Прежде чем мы что-нибудь посмотрим, — сказала я, — фотография комнаты. Это мой дом.

Он замер, глядя на меня.

— Поэтому я и сообщила о ней сегодня утром.

— Вы её знали?

— Нет.

— Но она была в вашем доме.

— Пока я была в отъезде. Финн разрешил ей пожить.

При имени Финна его лицо изменилось. Я не поняла, узнал ли он имя или решил что-то обо мне.

— Сантехник.

— Да.

— Она говорила, что он помог.

Я поставила сумку на пол, чтобы не перекладывать её на коленях.

— Я узнала сегодня. Мы с ним расстались шесть недель назад, но дом по-прежнему общий.

Оливер посмотрел мимо меня, на стойку. Мужчина расплачивался за два кофе навынос. Кофемашина шипела; за ней кто-то засмеялся.

— Она сказала, что гостит у друга, — произнёс он. — Я предлагал приехать ко мне. Я снимаю комнату. Она сказала, что не станет ночевать у меня на полу, когда у меня наконец появился собственный пол.

— Она объяснила, почему не могла остаться дома?

— Что-то по работе. Кто-то приходил. По её словам выходило, что она просто не хочет ссориться.

— Вы ей поверили?

Он поднял на меня глаза.

— А вы на все мамины вопросы отвечаете?

— Моя мама умерла.

Я произнесла это раньше, чем успела смягчить.

Он снова посмотрел на папку.

— Понятно. Простите.

— Не надо. Я тоже не всегда ей отвечала.

Официантка поставила между нами чай. Оливер отодвинул папку, освобождая место маленькому молочнику, хотя места и так хватало.

Некоторое время мы молчали.

Потом он открыл папку.

— Это прислали в прошлую пятницу. Назвали предварительным перечнем на замену. Попросили подтвердить, чтобы всё пошло быстрее.

Он положил передо мной два листа. Наверху — логотип Ward Recovery. Ниже — имя и адрес Рут, затем перечень вещей по комнатам с ориентировочной стоимостью замены.

Обеденный стол из массива дуба. Шесть стульев из одного гарнитура. Высокий шкаф-витрина.

— Стол у неё был из благотворительного магазина, — сказал Оливер. — Когда купила, стульев было четыре. К тому времени, как она умерла, осталось два. Один сломался, когда мне было девятнадцать, а другой она отдала мастеру, который пришёл чинить стиральную машину.

— Зачем?

— Он сказал, что от кухонного стула у него болит спина.

Оливер начал улыбаться, но улыбка исчезла.

— Она его не знала. Заставила забрать. А потом несколько месяцев жаловалась, что мы теперь едим, сидя за углом стола.

Список я представляла яснее, чем ту кухню. Это меня беспокоило. В списке у каждого стула была цена. Рассказ объяснял, почему одного не стало.

— До составления списка кто-нибудь приезжал в дом? — спросила я.

— После того как её нашли, там ходили разные люди. Я не всё время был на месте. Поэтому и не понимал, имею ли право сказать, что всё неправильно.

— Имеете.

— Они так уверенно говорят.

Он повернул ко мне второй лист.

Внизу, над номером и датой, стояла строка, которую я не ожидала увидеть.

«Составитель: Мара Эллисон».

Дата — четыре дня назад. Пятница. В тот день я работала в бунгало на другом конце Мирфорда: разделяла фотографии, слипшиеся в ящике. Помнила, как хозяйка не разрешала выбрасывать даже те, на которых уже нельзя было разглядеть лица.

— Я этого не составляла.

— Здесь ваше имя.

— Да.

— Хотите сказать, кто-то просто его вписал?

— Я пока не знаю, как оно сюда попало.

Он откинулся на спинку стула.

Я могла предложить три объяснения. Скопированный шаблон. Неисправленный колонтитул. Проверка, которую назначили заранее. Любое из них могло оказаться верным. Каждым я в своё время объясняла то, что требовало исправления.

Ни одного я ему не предложила.

— Сохраните письмо, с которым это пришло, — сказала я. — Само письмо, не только эти страницы.

— Сохранил.

— И отправьте Лии Грант. Я сообщу ей, что не составляла список.

— Я уже отправлял его в компанию.

— Лия работает отдельно от компании.

— Все работают отдельно, пока я не спрошу, кто мне наконец ответит.

Он сказал это тихо. Мне было тяжелее, чем если бы он кричал.

— Покажите, что вы отправили, — сказала я.

Он достал телефон и открыл письмо. Держал сам, пока я читала.

Тема: «Рут Белл — ошибки в перечне имущества».

Первая строка: «Комната на приложенной фотографии находится не по адресу Милл-лейн, 18».

Ниже он написал, что до наводнения мать две ночи провела в другом доме. В перечне значилась мебель, которой он не узнавал. Не перепутаны ли адреса? Он просил проверить это, прежде чем даст согласие.

К письму были приложены перечень и обрезанная фотография моей гостиной.

С общего адреса Ward Recovery пришёл ответ с благодарностью за подтверждающие фотографии и сообщением, что их включат в пакет для проверки.

На его вопрос не ответили.

— Значит, вы приложили этот снимок намеренно? — спросила я.

— Конечно. Я думал, так можно понять, откуда взялись чужие вещи.

Я снова прочла первую строку. Двусмысленности не было. Он не принял мой дом за дом матери. Он написал о двух домах, а к моменту, когда материалы дошли до меня, остался один заголовок.

— В полученном мной пакете вашего письма не было, — сказала я. — Снимок находился в разделе «До страхового случая».

— То есть выходит, будто я сам сказал, что это её комната.

— Да.

— А я написал обратное.

— Да.

Он опустил телефон. Впервые плечи немного расслабились.

Я поняла: он пришёл не за соболезнованиями. Он хотел узнать, согласится ли хоть кто-нибудь, что написанные им слова означают именно то, что означают.

— Перешлёте всю переписку Лии? — спросила я. — И мне, если вы не против. Я хочу показать, что именно убрали.

Он переслал прямо за столом.

Чай потемнел. Я налила себе чашку, добавила молока. Оливер посмотрел на мою руку и отвёл взгляд.

— Она прислала мне эту фотографию в пятницу, — сказал он. — Написала, что нашла тёплое место. Я ответил, что выглядит богато.

Я вспомнила протёртый участок ковра возле дивана, не попавший в кадр.

— Что она сказала?

— Что кресло зашитое, так что вряд ли.

Я посмотрела в чашку.

— Она заметила стежки?

— Она всегда такое замечала. В магазинах выворачивала одежду и рассматривала швы. В детстве меня это с ума сводило.

— Это кресло зашила моя мама.

— Тогда ваша мама ей бы понравилась.

Он не пытался утешить. Просто подумал, что так могло быть.

Я смотрела на фотографию как на свидетельство чужого вторжения. Рут смотрела на починенную вещь.

Оливер взял чашку, понял, что кофе холодный, и поставил обратно.

— Она у вас ничего не оставила?

— Кажется, зонт. Красный, с деревянной ручкой.

Он сразу кивнул.

— На нём полоска ткани болтается. Хлястик не застёгивается.

— Тот самый. Я сообщила полиции, что он у меня.

— Можно мне его забрать?

— Я спрошу, как это устроить. Не хочу помешать, если им нужно что-то проверить.

— Да. Хорошо.

Он провёл ладонями по джинсам.

— Он стоил двенадцать фунтов. Она не покупала новый, потому что старый ещё защищал от дождя. Теперь со всем так. Прошу вернуть какую-нибудь вещь, а потом приходится объяснять, зачем она мне.

— Мне объяснять не нужно.

Он посмотрел на перечень между нами. Я убрала чашку с уголка листа.

У меня оставались вопросы. Хотелось спросить, когда Рут говорила с ним в последний раз, упоминала ли Хелен, почему он не настоял, чтобы мать рассказала, что случилось. Последний вопрос я узнала: так спрашивают, когда пытаются найти момент, в который кто-то другой ещё мог предотвратить смерть.

— Ваша мама занималась сверкой для Ward Recovery, — сказала я вместо этого.

— Да.

— Насколько я понимаю, её беспокоили некоторые документы.

— Её беспокоили вы.

Он наблюдал за моей реакцией.

— Ваше имя, во всяком случае. Как вы выглядите, я не знал.

— Что она вам рассказала?

— Мало. Переслала мне несколько писем, чтобы я сохранил. Я толком их не прочёл. У меня была смена, потом ещё одна, а она сказала, что это подождёт.

— Когда это было?

— В понедельник.

Я осторожно поставила чашку.

— В день её смерти?

— Утром. До наводнения. Всё, что нашёл, я передал сотруднице полиции. Возможно, там есть что-то об актах, о которых вы спрашивали. Но надо посмотреть на ноутбуке. Он у тёти.

— Посмотрите, не просила ли она поговорить со мной лично?

— А она просила?

— Не знаю.

— Вы всё время так говорите.

— Знаю.

Он закрыл папку. Я почувствовала, что наше время кончилось, хотя он ещё не вставал.

Одного я ему не сказала. Это сидело между рёбрами и мешало вдохнуть полной грудью.

— На некоторых старых документах стоит моя подпись, — сказала я. — В версиях, которые я сегодня увидела, кто-то изменил данные. Но использованные подписи не выдуманы. Я подписала то, чего не должна была подписывать.

Оливер замер, держа папку.

— Значит, она не зря беспокоилась.

— Да.

Он один раз кивнул. За признание не поблагодарил.

За окном машины тронулись. Я подождала, пока он уберёт страницы. Острые белые углы скрылись в потёртой пластиковой обложке, и он вынес перечень маминых вещей, прижав его к боку.

Глава 5

Хелен сохранила мою кружку.

Она стояла на подносе возле стола, ручкой к креслу для посетителей. Белый фарфор, тонкая трещина под ободком. Я купила её на заправке одной зимой, когда все офисные чашки остались заперты в посудомоечной машине, которая не хотела открываться.

— Чай? — спросила Хелен.

— Пожалуйста.

Я собиралась отказываться от всего, что она предложит. Потом услышала чайник и захотела чаю.

Ward Recovery занимала второй этаж над шиномонтажом у объездной дороги. Здание было некрасивым и тёплым. Внизу кто-то проверял пневмолинию; короткие выпуски воздуха доносились через пол, словно человек пытался сдержать кашель.

Когда я пришла, Нина стояла на коленях у открытой коробки с удлинителями на лестничной площадке. Поднялась и сказала, что мать меня ждёт. По её тону нельзя было понять, стоило ли мне сначала позвонить.

Теперь Хелен поставила поднос на низкий столик и села напротив. Туфли она сняла под рабочим столом; одна лежала на боку. На колготках над щиколоткой поползла стрелка.

— У тебя был ужасный день.

Я положила между нами перечень Оливера. Сфотографировала его с разрешения сына Рут, а дома распечатала оба листа: хотела, чтобы Хелен посмотрела на то же самое, что он всё время поворачивал ко мне.

— Ты это одобрила?

Хелен надела очки для чтения.

— Это предварительный перечень.

— С моим именем.

Она дочитала до нижней строки.

— Проверка была назначена тебе.

— Здесь написано другое.

— Я вижу.

— Половины этих вещей у Рут не было.

— По словам её сына.

— Он прожил в том доме большую часть жизни.

Хелен сняла очки и положила рядом с листом.

— Значит, нужно исправить. Для этого предварительный перечень и существует.

— Он просил исправить. В письме написал, что фотография из другого дома. Из пакета для проверки письмо исчезло.

Она потянулась к телефону на столе и остановилась.

— Пакет собирала Нина. Давай спросим её, а не будем гадать.

Этот разумный тон был мне знаком. На совещаниях я часто радовалась, что Хелен рядом. Она умела превратить чью-то злость в список задач и решить их до обеда.

Я не хотела превращать Оливера в задачу.

Хелен позвала Нину.

Та принесла ручку, посмотрела на листы и придвинула стул от рабочего стола.

— Утром ты сказала, что не собирала пакет, — произнесла я.

— Я думала, ты про исходное страховое заявление. Я собрала документы для нашей бригады. Не все составляла сама.

— Я спрашивала не об этом.

— Значит, я не так поняла.

Хелен ждала. Я могла спорить о словах, произнесённых в вагончике, или добиваться от Нины объяснения того, что она сделала.

— Поле с именем заполняется из назначения специалиста, — сказала она. — В графе «Составитель» так не должно было остаться. Я поправлю.

— Ты составляла перечень?

— Не по осмотру. Это начальная офисная версия. Нужно проверить исходные ведомости.

— А письмо Оливера?

— Там было много вложений.

— Само письмо.

Она посмотрела на Хелен, потом на меня.

— Я включила фотографии. Переписку не приложила.

— Он отправил снимок, потому что адрес был неверным.

— Нужно было приложить.

Она записала что-то на чистом листе. Не спорила. Не пыталась убедить, что я неправильно поняла. На мгновение мне стало неловко за свой визит.

— Тогда почему ты поместила снимок в раздел «До страхового случая»?

— Туда идут фотографии, сделанные до наводнения.

— По этому адресу.

Нина перестала писать.

— Да, — сказала она. — Я ошиблась.

Хелен наклонилась вперёд.

— Сохраним отправленную версию и выпустим исправление. Никто не собирается делать вид, будто первой версии не было.

Именно это я и хотела услышать. Превратить такие слова в угрозу можно было, только исказив их смысл.

— Я сообщила эксперту, что не составляла список, — сказала я.

— Правильно.

— И об исчезнувшем письме.

— Хорошо.

Хелен взяла мою кружку и передала мне. Она помнила, сколько молока я пью.

— Финн в этом участвует? — спросила она.

Я посмотрела на неё.

— Нина сказала, что он приезжал на объект. Вы уехали вместе?

— Мы не уезжали вместе.

— Хорошо.

Нина пошевелилась на стуле.

— Я только сказала, что он приезжал.

Казалось бы, какая разница. Для меня разница была.

— Он знал Рут, — сказала я. — И разговаривал с полицией.

— Как и несколько человек из нас, — ответила Хелен. — Ничего необычного.

Она была права. Мне приходилось снова и снова признавать, что она права.

— Рут просила поговорить со мной перед смертью?

Хелен поставила чашку.

— Она задавала вопросы по нескольким объектам.

— Мне?

— Офису.

— Она спрашивала именно меня?

— Нужно посмотреть, какие сообщения ты имеешь в виду.

— Любые.

Теперь Хелен выглядела усталой, и дело было уже не в снятых туфлях.

— Мара, я не могу помнить формулировки всех писем, полученных во время наводнения.

— До наводнения.

— Предупреждения начались раньше, чем вода дошла до домов.

Я вспомнила ту неделю звонков. Люди перетаскивали коробки наверх; работы бросали, когда перекрывали дороги. Работа была настоящей, страх — тоже. Это не зависело от того, говорила ли Хелен правду обо всём остальном.

Нина вертела ручку в пальцах.

— Мы можем собрать переписку, — сказала она.

— Исходную. Не пересказ.

— Да.

Хелен встала и закрыла дверь. За стеклом женщина за соседним столом говорила в гарнитуру. Возле клавиатуры лежала открытая пачка печенья. Нина посмотрела на неё и отложила ручку.

— Мне звонила Лия Грант, — сказала Хелен.

Я ждала.

— По её словам, тебя беспокоят изменения в старых актах осмотра. В актах с твоим именем.

— Да.

— Тебе нужен совет специалиста.

— Я уже договорилась.

— Наши юристы знают, как устроена компания. Я могу организовать разговор сегодня. Мы оплатим.

— Я хочу, чтобы человек представлял мои интересы.

Лицо Хелен чуть изменилось. Не злость. Обида — или настолько похожее на обиду выражение, что я не могла отличить.

— Я давала тебе повод думать, что не позабочусь о тебе?

На полке за её спиной стояла фотография с десятилетия компании. Мы возле ресторана, в хороших пальто. Я рядом с Хелен, глаза полуприкрыты от вспышки. Мама умерла за три недели до этого снимка. Я пошла, потому что Хелен сказала: нужно выйти из дома.

И в этом она тоже была права.

— Сейчас другое, — сказала я.

— Я и не говорю, что то же самое.

Нина встала.

— Пойду найду исходные ведомости.

— Побудь ещё минуту, — сказала Хелен.

Нина села.

В кабинете было слишком тепло. Я сняла пальто и повесила на спинку кресла. Небольшое признание того, что немедленно уходить не собираюсь.

— Какие акты? — спросила Хелен.

Я назвала номера двух февральских дел. Она записала, не попросив повторить ни один.

— Помнишь, как принесла мне бланки? — спросила я.

— Я приносила тебе много бланков.

— Те два.

Она посмотрела на номера.

— Помню, что мы не успевали.

— Ты сказала, что съездить можно потом.

Нина перевела взгляд с матери на меня.

— Нужно быть осторожнее, — сказала Хелен.

— Ты и тогда так говорила.

— Нет. Я сказала, что людям нужно получить выплаты. Это разные слова.

От точности поправки у меня похолодела кожа.

Она вздохнула.

— Исходники у тебя есть?

— Есть то, что я тебе отправила.

— Покажи.

— Не сегодня.

— Как я могу тебе ответить, не увидев их?

— Они есть и в твоей переписке.

Несколько секунд были слышны только шиномонтаж внизу и женщина за дверью: она понимала, правда понимала, но ускорить сушку было невозможно.

Хелен сложила руки.

— Пока мы не разобрались, думаю, тебе не стоит брать у нас новые задания.

Вот и всё. Я ждала этих слов, но всё равно первой мыслью был платёж по ипотеке в конце месяца.

— Выполненную работу я оплачу, — сказала она. — И два зарезервированных дня на этой неделе. Ты не должна их терять из-за того, что нам нужно кое-что проверить.

— А следующая неделя?

— Следующую обещать не могу.

Она сказала это мягко. Было бы легче, если бы сказала с удовольствием.

Нина взяла предварительный перечень.

— Остальные выезды на опись я возьму, — сказала она. — Или найду кого-нибудь. Людей ждать не оставим.

Почему бы и нет. Люди в тех домах меня не знали. Им был нужен человек, который войдёт и составит список. Это мог сделать кто-то другой.

Я посмотрела на кружку. Трещина потемнела от чая. Наверное, пользоваться ею было небезопасно уже несколько лет.

— Единственные копии я тебе не отдам, — сказала я.

Хелен подняла брови.

— Я не просила единственные копии.

Лицо обдало жаром. Не просила. От страха я отвечала на вопросы, которых никто не задавал. Сейчас я не могла себе этого позволить.

— Ты права, — сказала я. — Не просила.

Она смягчилась.

— Езжай домой. Поговори со своим консультантом. Потом решим, что нужно исправить.

Телефон завибрировал на столе.

Оливер.

Я ждала сообщения о перечне. Вместо него пришла пересланная цепочка писем и короткая приписка.

«Нашёл. Она действительно спрашивала вас».

Я открыла переписку. Наверху — сообщение Рут сыну, отправленное утром того понедельника, восемь дней назад: «Сохрани, пожалуйста. Не хочу потерять».

Ниже — её переписка с Ward Recovery.

В теме два номера февральских дел. Те самые, которые Хелен только что записала в блокнот.

Рут спрашивала, может ли Мара Эллисон подтвердить, что лично побывала по обоим адресам. Она хотела поговорить с человеком, чьё имя стояло в актах.

Ответ пришёл с общего адреса офиса в 10:24 того же утра.

«Мара проверила документы и подтвердила проведение осмотров. Просим вести дальнейшую переписку в этой цепочке».

Я перечитала.

Вопроса Рут я не видела. Меня никто ни о чём не спрашивал.

— Что там? — сказала Хелен.

Я посмотрела на её блокнот, где два номера были аккуратно записаны один под другим. Потом на Нину, которая ждала, держа перечень.

— Ответ, который кто-то дал за меня.

Я убрала телефон в сумку и встала. Мне нужно было сохранить всю переписку, прежде чем кто-то из них объяснит её так, что от неё ничего не останется. Оливер уже отправил письма в полицию. Я могла указать, какая их часть была ложью.

У двери я вспомнила Рут на моём крыльце, спрашивающую Джун, когда я вернусь.

Она пришла не за ответом компании.

Его она уже получила.

Глава 6

Утром я написала две фразы на отдельных листах.

Я не меняла эти документы.

Я подписала акты осмотра объектов, на которых не была.

Первую хотелось включить в показания. Вторую — спрятать под ней.

Элис Кин позвонила в девять. У неё был низкий голос; за кашель она извинилась один раз, а потом перестала. Прежде чем спросить, что случилось, она уточнила, кто ещё находится в доме.

— Никого.

— И ваш бывший партнёр не слушает разговор через другое устройство?

Я посмотрела на колонку на кухне. Финн купил её, чтобы мы могли спорить о музыке, не вставая.

— Нет. Я говорю по мобильному.

Почти десять минут она слушала. Я рассказала о фотографии, двух версиях документов, письме Рут и предложении Хелен оплатить адвоката. Когда я закончила, Элис попросила вернуться к февралю.

— До того, как документы изменили. Что, по вашему пониманию, вы тогда подписывали?

Я отодвинула верхний лист.

— Что осмотрела имущество по этим адресам.

— А вы осматривали?

— Нет.

Мотор холодильника остановился. В кухне стало так тихо, что я расслышала, как она печатает.

— Эта формулировка была видна?

— Да.

— Кто-нибудь говорил вам, что она означает что-то другое?

— Хелен сказала, что мы можем съездить позже.

— Это не совсем ответ на мой вопрос.

Я разгладила край листа ногтем.

— Нет. Никто не говорил, что она означает что-то другое.

Элис спросила о фотографиях, которые мне показывали, о приложенных счетах и работе, за которую я получила деньги. Она не сказала, что я стала жертвой подделки. Не сказала и что я преступница. Оба умолчания вызывали желание помочь ей выбрать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.